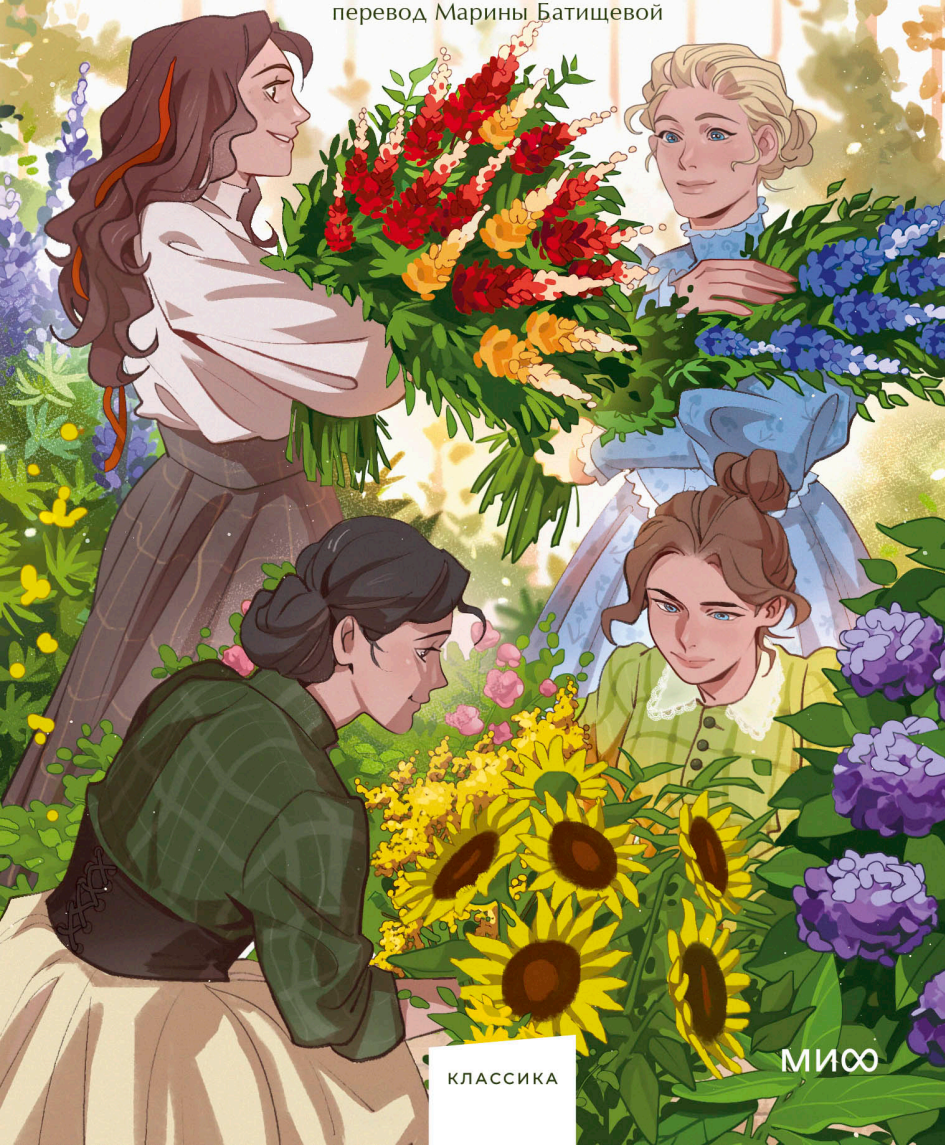

Луиза Мэй Олкотт
**ХОРОШИЕ
ЖЕНЫ**

перевод Марины Батищевой

КЛАССИКА

МИСО

ГЛАВА 1

ПОГОВОРИМ О СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Чтобы вновь начать наш рассказ и в приятном расположении духа подойти к описанию свадьбы Мег, будет, вероятно, вполне разумно предварительно немного посудачить о делах семейства Марч. И здесь позвольте мне сразу заметить, что, если кто-либо из представителей старшего поколения, читая эту историю, сочтет, что в ней «слишком много про любовь» (не думаю, чтобы такой упрек высказали мне мои юные читатели), мне остается лишь отвечать вместе с миссис Марч: «Чего же еще можно ожидать, если в доме четыре жизнерадостные девочки и есть порывистый и энергичный молодой сосед?»

Прошедшие три года внесли мало перемен в спокойную жизнь семьи. Война была окончена, а мистер Марч, благополучно оказавшись дома, занялся своими книгами и делами вверенного его заботам маленького прихода, который обрел в своем пастыре священника по призванию и милостью Божией — скромного, трудолюбивого человека, богатого той

мудростью, что лучше всякой учености, той отзывчивостью, что учит обращаться ко всему человечеству со словом «братья», тем благочестием, которое становится основой характера, вызывая уважение и любовь окружающих. Эти качества, несмотря на бедность и бескомпромиссную честность, закрывшие ему путь к житейского рода успеху, привлекали к мистеру Марчу множество замечательных людей так же естественно, как душистые травы влекут к себе пчел, и так же естественно давал он им нектар мудрости, в который пятьдесят лет тяжелых жизненных испытаний не влили ни одной капли горечи. Серьезные и искренние молодые люди находили, что их седовласый ученый друг так же молод душой, как и они; томимые заботами женщины шли к нему со своими тревогами, уверенные, что встретят самое глубокое сочувствие, получают самый мудрый совет; грешники исповедовались в своих грехах чистому сердцем старику, получая и нагоняй, и спасение души; талантливые люди находили в нем интересного собеседника; честолюбцам открывалось существование стремлений куда более благородных, чем их собственные; и даже те, кто был всецело поглощен земными интересами, признавали, что его убеждения красивы и справедливы, хоть «на них и не разбогатеешь».

На взгляд постороннего, всем в доме распоряжались пять энергичных женщин; и так оно и было в том, что касалось многих домашних дел, но скромный мудрец, сидевший среди своих книг, по-прежнему оставался главой и совестью семьи, якорем спасения и утешителем, и к нему неизменно обращались в трудную

минуту эти вечно занятые, озабоченные женщины, находя в нем мужа и отца в подлинном смысле этих священных слов.

Сердца девочек были открыты матери, души — отцу, и обоим родителям, живших и трудившихся ради них с такой преданностью, дочери дарили любовью, росшей вместе с ними и связывавшей всю семью самыми нежными и дорогими узами, которые делают счастливой жизнь и которые не в силах разрушить даже смерть.

Миссис Марч все так же бодра и энергична, хотя в волосах ее больше седины, чем тогда, когда мы видели ее в последний раз, и в данное время она настолько поглощена делами Мег, что госпиталям, где еще остается много раненых «мальчиков», и домам солдатских вдов явно не хватает ее материнских забот и благотворительных посещений.

Джон Брук в течение года мужественно исполнял свой долг перед страной, был ранен и отправлен домой, вернуться на фронт ему не позволили. Он не получил ни чинов, ни награды, хотя вполне заслужил их, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а жизнь и любовь необыкновенно дороги, когда и та и другая в полном расцвете. Смирившись со своей отставкой из армии, он посвятил все силы тому, чтобы восстановить здоровье, подготовиться к новой работе и заработать на дом, где они с Мег могли бы поселиться. С присущими ему здравым смыслом и упорным стремлением к независимости он отказался от более заманчивых предложений мистера Лоренса и поступил в его фирму на скромную должность

бухгалтера, испытывая глубокое удовлетворение от того, что начинает свою карьеру с честно заработанного жалованья, а не с банковского займа на ведение какого-либо рискованного дела.

Мег проводила время не только в ожидании будущего счастья, но и в усердных трудах, все более становясь по характеру взрослой женщиной, овладевая искусством ведения домашнего хозяйства и хорошея с каждым днем, поскольку любовь — могучий союзник красоты. У нее были свои девичьи желания и надежды, и она испытывала некоторое разочарование от того, как скромно предстояло начаться ее новой жизни. Незадолго до этого Нед Моффат женился на Салли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом, роскошный экипаж, множество свадебных подарков и прекрасные наряды новобрачной со своими собственными, втайне страдая от того, что не может иметь всего этого. Но зависть и неудовлетворенность сами собой куда-то исчезали, стоило лишь ей подумать о терпении, любви и трудах, вложенных Джоном в приобретение маленького домика, ожидающего ее, и, когда они сидели вдвоем в сумерках, обсуждая свои нехитрые планы, будущее неизменно представлялось таким прекрасным и ярким, что она забывала обо всей роскоши Салли и чувствовала себя самой красивой и богатой девушкой под солнцем.

Джо так и не вернулась на должность компаньонки тети Марч: старой даме так понравилась Эми, что она постаралась подкупить ее, предложив оплачивать уроки рисования у одного из лучших учителей,

а на таких условиях Эми согласилась бы служить и гораздо более суровой госпоже. Так что Эми отдавала утренние часы обязанности, а вечерние — удовольствию, и все шло замечательно. Джо тем временем посвятила себя занятиям литературой и уходу за Бесс, которая оставалась очень слабой еще долго после того, как лихорадка стала делом прошлого. Бесс не была больной в прямом смысле слова, но не была и прежним цветущим, здоровым и румяным существом. И все же, всегда полная надежды, счастливая и безмятежная, занятая исполнением своих скромных домашних обязанностей, всеобщий друг, она превратилась в доброго ангела дома задолго до того, как это поняли даже те, кто любил ее больше всего на свете.

Пока «Парящий орел» платил Джо доллар за каждую колонку ее «чепухи» (ее же собственное выражение), она чувствовала себя женщиной со средствами и усердно строчила свои маленькие романтические истории. Но в ее кипучем уме и честлюбивой душе бродили великие планы, и в старом жестяном ящике на чердаке медленно росла кипа листов исчерпанной рукописи, которой предстояло поставить имя Марч в ряд знаменитейших имен американской литературы.

Лори, послушно отправившийся в университет, чтобы доставить удовольствие дедушке, старался теперь провести четыре года учебы как можно приятнее, чтобы доставить удовольствие самому себе. Всеобщий любимец благодаря деньгам, манерам, талантам и добрейшему сердцу, вечно вовлекавшему

его в неприятные истории при каждой попытке помочь другим из подобных историй выкрутиться, он подвергался огромной опасности превратиться в испорченного повесу и, вероятно, превратился бы, как немало других подающих надежды мальчиков, если бы не обладал хранящим от зла талисманом в виде воспоминания о добром старике, живущем лишь его успехами, о заботливой женщине, следящей за ним, словно за собственным сыном, и — последнее по счету, но не по важности — о четырех простодушных девушках, которые любят его, восхищаются им и верят в него всей душой.

Будучи лишь «прекрасным смертным», он, разумеется, шалил и флиртовал, становился то щеголем, то любителем водного спорта, то сентиментальным, то спортивным, в зависимости от того, что предписывала студенческая мода, зло подшучивал над другими, так же как другие над ним, употреблял жаргонные словечки, а не раз даже был опасно близок к исключению из университета. Но так как основной причиной всех его проделок было приподнятое настроение и любовь к забавам, он всегда ухитрялся спасти положение искренним раскаянием, честным искуплением вины или неотразимой силой убеждения — искусство, которым он владел в совершенстве. Он, пожалуй, даже гордился тем, что так часто был на волосок от провала, и ему нравилось повергать девочек в трепет рассказами о своих победах над разгневанными младшими преподавателями, важными профессорами и опасными врагами. Студенты «нашего курса» были героями в глазах девочек,

которые никогда не уставали слушать о подвигах «наших ребят» и которым часто представлялась возможность заслужить благосклонные улыбки этих великих людей, когда Лори привозил однокурсников погостить в большом особняке Лоренсов.

Эми особенно часто удостаивалась высокой чести пользоваться вниманием героев, так как рано почувствовала силу своего очарования и научилась ею пользоваться. Мег была слишком поглощена своим единственным и неповторимым Джоном, чтобы уделять внимание иным представителям сильного пола, а робкая Бесс могла лишь украдкой бросать взгляды на студентов и удивляться, как это Эми осмеливается так командовать ими, но Джо чувствовала себя в своей стихии, и ей было нелегко удержаться от того, чтобы не подражать мужским манерам, речам и героическим поступкам, которые казались ей куда более естественными, чем все приличия, в рамках которых предписано держаться юным леди. Джо невероятно нравилась всем мальчикам, но ни один не был влюблен в нее, хотя лишь весьма немногие воздерживались от принесения нежной дани в виде одного-двух сентиментальных вздохов на алтарь красоты Эми. И раз речь зашла о сантиментах, мы можем вполне естественно перейти к рассказу о «голубятне».

Так назывался маленький, выкрашенный коричневой краской домик, который мистер Брук приготовил для себя и Мег. Название домику дал Лори, утверждавший, что оно как нельзя лучше подходит для жилища нежных влюбленных, которые «не перестают ворковать и целоваться, словно голубок

и горлица». Это был крошечный домик, к которому примыкал маленький садик сзади и газончик, размером чуть больше носового платка, спереди. Тем не менее Мег собиралась иметь фонтан, обсаженную деревьями и кустами аллею и половодье великолепных цветов; пока же фонтан был заменен старой каменной вазой, потемневшей от непогоды и очень похожей на надбитую полоскательную чашку, аллею изображали несколько молоденьких лиственниц, еще не решивших, бороться ли им за жизнь или умереть, а на мысль о половодье цветов должны были наводить ровные и частые бороздки на земле, указывающие, где были посеяны семена. Но внутри домик был очарователен, и счастливая невеста не видела изъяна нигде — от чердака и до погреба. Хотя, конечно, передняя была такой узкой, что, будь у молодоженов фортепьяно, оно никак не вошло бы в дом целиком, а лишь по частям, но его, к счастью, не было; в столовой с трудом можно было посадить за стол шесть человек; кухонная лестница, казалось, была специально расположена таким образом, чтобы обеспечить падение и слуг, и фарфора прямо в ларь с углем. Впрочем, стоило лишь привыкнуть к этим незначительным недостаткам, как ни один другой дом уже не мог показаться более совершенным жилищем, поскольку те, кто обставлял его, руководствовались здравым смыслом и хорошим вкусом, и результат можно было назвать в высшей степени удовлетворительным. В гостиной не было ни мраморных столиков, ни высоких зеркал, ни кружевных занавесей, зато была простая мебель, множество книг,

несколько хороших картин, подставка для цветов в эркере и немало красивых мелочей — подарков, сделанных дружескими руками и казавшихся еще прекраснее оттого, что несли на себе печать глубокой любви.

Не думаю, что мраморная Психея* — подарок Лори — хоть в какой-то мере утратила свою красоту оттого, что Джон поставил ее на самодельную консоль, или что какой-либо обойщик мог задрапировать скромные муслиновые занавески более изящно, чем сделала это искусная рука Эми, или что какая-нибудь иная кладовая хранила больший запас добрых пожеланий, веселых слов и счастливых надежд, чем та, в которую Джо и миссис Марч сложили многочисленные коробки, ящики и свертки с приданным Мег; и я глубоко уверена, что чистенькая, совершенно новая кухня не выглядела бы такой уютной и аккуратной, если бы Ханна не переставила десяток раз каждую кастрюлю и сковородку, выбирая для них наилучшее место, и не принесла бы растопку, чтобы все было готово к тому моменту, когда «миссис Брук придет к себе домой». Я также сомневаюсь в том, что какая-либо юная мать семейства начинала супружескую жизнь с таким запасом тряпочек для вытирания пыли, разнообразных прихваточек и лоскутных мешочков — Бесс приготовила их в таком количестве, что Мег должно было хватить их до серебряной свадьбы. Бесс даже изобрела три вида тряпочек особой

* Психея — героиня греческого мифа, прекрасная возлюбленная бога любви Эроса.

формы специально для мытья предметов свадебного сервиза.

Те, кто заказывает изготовление подобных вещей посторонним, не понимают, что они при этом теряют, ибо даже самые простые и непритязательные предметы обретают красоту, если они сделаны с любовной заботливостью, и Мег нашла немало подтверждений этой истины: в ее маленьком уютном гнездышке все, от кухонной скалки до серебряной вазы на столе в гостиной, красноречиво говорило о семейной любви и нежной предусмотрительности.

Как весело проводили они время, совместно составляя свои планы, как торжественно отпраздничали все вместе за покупками, какие смешные ошибки совершали, какими взрывами хохота встречали нелепые покупки Лори! В том, что касалось любви к проказам, этот молодой человек, хотя почти с университетским образованием, оставался самым настоящим мальчишкой. Его последней причудой было, возвращаясь домой на выходные, привозить с собой какие-нибудь новейшие, полезные и хитроумные товары, необходимые юной домохозяйке. То это был комплект замечательных зажимок для белья, ничего не зажимавших, то удивительная терка для мускатных орехов, развалившаяся на части при первой же попытке пустить ее в дело, то приспособление для чистки ножей, совершенно их все затупившее, то щетка, аккуратнейше снимавшая с ковра ворс, но оставлявшая мусор, то облегчающее труд прачки мыло, от которого с рук слезала кожа, то надежнейший клей, который намертво приклеивался только к пальцам

обманутого покупателя, то разнообразные скобяные товары — от игрушечной копилки для медяков до чудесного бака, моющего посуду паром и грозящего взорваться во время этой процедуры.

Тщетно Мег умоляла его остановиться. Джон смеялся над ним, а Джо называла «мистером Тудлем»*. Он был одержим стремлением оказать поддержку изобретательным янки и обеспечить своих друзей на будущее всеми необходимыми для жизни приспособлениями. Так что каждая неделя приносила какой-нибудь новый нелепый сюрприз.

И вот наконец все было готово, вплоть до мыла, заботливо подобранного Эми в тон к цвету обоев в каждой спальне, и стола, накрытого Бесс для первого ужина молодоженов в новом доме.

— Ты довольна? Ты чувствуешь себя здесь как дома? Как ты думаешь, ты будешь здесь счастлива? — спрашивала миссис Марч, когда рука об руку с Мег обходила новые владения дочери, — казалось, что теперь они привязаны друг к другу еще нежнее, чем прежде.

— Да, мама, я совершенно довольна благодаря вам всем... и так счастлива, что и сказать не могу, — ответила Мег; взгляд ее выразил больше, чем любые слова.

— Если бы только у нее была одна или две служанки, все было бы в порядке, — сказала Эми, выходя из гостиной, где пыталась решить важный вопрос,

* Мистер Тудль — персонаж романа «Домби и сын» (1848) Ч. Диккенса; отец многочисленного семейства.

не будет ли бронзовый Меркурий* лучше выглядеть на этажерке, чем на каминной полке.

— Мы с мамой уже говорили об этом, и я решила сначала попробовать вести хозяйство так, как она советует. Работы здесь будет немного, так что, если я смогу посылать Лотти с разными поручениями да изредка попрошу ее помочь по хозяйству, у меня будет ровно столько дел, чтобы не скучать и не тосковать по дому, — ответила Мег спокойно.

— У Салли Моффат четыре служанки, — начала было Эми.

— Если бы у Мег было столько же, все не поместились бы в доме и хозяевам пришлось бы поселиться в саду в походной палатке, — перебила сестру Джо, которая, надев огромный синий передник, доводила до окончательного блеска медные дверные ручки.

— Муж Салли не бедный человек, и в ее великолепном доме присутствие множества горничных вполне оправданно, — сказала миссис Марч. — Мег и Джон начинают скромно, но что-то говорит мне, что в этом маленьком домике их ждет не меньшее счастье, чем можно найти в самом великолепном дворце. Молодые девушки совершают большую ошибку, если не оставляют себе иных занятий, кроме нарядов, сплетен и распоряжений по дому. Когда я вышла замуж, мне очень хотелось поскорее сносить или порвать мои новые наряды, чтобы иметь удовольствие

* Меркурий — в древнеримской мифологии бог красноречия, торговли, дорог, вестник богов.

чинить их, так как я уже изнемогала от вышивания и разглаживания своего носового платка.

— Почему же ты не пошла в кухню «поготовить»? Салли говорит, что иногда делает это для развлечения, хотя блюда получаются никуда не годные, а слуги над ней смеются, — улыбнулась Мег.

— Я отправилась в кухню спустя некоторое время, но не для того, чтобы «поготовить», а для того, чтобы научиться у Ханны, что и как следует делать, чтобы слугам не пришлось смеяться надо мной. Тогда я смотрела на это занятие как на игру, но позднее, когда мы уже не могли позволить себе нанимать прислугу, я была очень рада, что обладаю не только желанием, но и умением готовить простую, здоровую пищу для моих маленьких дочек. Ты, Мег, начинаешь не так, как начинала я, но то, чему ты учишься сейчас, пригодится тебе и тогда, когда Джон станет более состоятельным человеком, потому что хозяйка любого дома, пусть даже самого великолепного, если она хочет, чтобы ей служили хорошо и честно, должна знать, как правильно выполнять ту или иную домашнюю работу.

— Конечно, мама, я совершенно согласна, — сказала Мег, почтительно выслушав это маленькое наставление, ведь даже лучшая из женщин охотно рассуждает на увлекательную тему ведения домашнего хозяйства. — А вот эта комната моего кукольного домика нравится мне больше всех, — продолжила Мег минуту спустя, когда поднялась вместе с матерью на второй этаж и заглянула в свою маленькую бельевую.

Там стояла Бесс, которая раскладывала на полках высокие стопы снежно-белого белья и бурно радовалась такому его великому множеству. Все три женщины засмеялись словам Мег, поскольку этот бельевой шкаф уже давно служил в семье предметом шуток. Дело в том, что тетя Марч оказалась в весьма затруднительном положении, когда время успокоило ее гнев и заставило раскаяться в данной клятве: вы ведь помните, она заявила тогда, что если Мег выйдет замуж за «этого Брука», то не получит от нее, тети Марч, ни цента. Тетя Марч никогда не нарушала своих клятв, а потому ей пришлось изрядно поломать голову над тем, как обойти созданное ею самое препятствие, и наконец она придумала вполне удовлетворивший ее план. Миссис Кэррол, мама Флоренс, получила деньги и указание купить, сшить и пометить огромное количество столового и постельного белья и отправить Марчам в качестве подарка невесте от самой миссис Кэррол. Распоряжение тети Марч было добросовестно исполнено, но секрет был раскрыт и очень позабавил всю семью, тем более что тетя Марч усердно старалась сохранять невинный вид и настойчиво повторяла, что не может подарить Мег ничего, кроме старомодных жемчугов, давно обещанных первой невесте.

— Это свидетельствует о том, что у тебя есть вкус к ведению домашнего хозяйства, и мне это очень приятно. В юности у меня была подруга, которая начала вести собственное хозяйство, имея в запасе лишь шесть простынь, зато у нее были чаши для ополаскивания пальцев после десерта — и такое